

Сысолятин А.А.

Научный руководитель Черепанова Е.С.

д-р филос. наук, проф.

Проблема страха: вопрос продуктивности пограничного состояния

В определенном смысле тема страха соотносима с самим способом философствования, корни которого уходят в желание разрешить смутную ситуацию присутствия человека в мире, характеризующуюся неясностью его происхождения и положения. Неясность эта составляет своеобразный фон, на котором разворачивается не только история человечества, но и история человека как история решений человеческой ситуации, наиболее ярко воплощенная в истории мысли, философской мысли. Однако даже в рамках философского исследования вряд ли возможно охватить всю историю таких решений и поисков, что достаточно жестко ставит перед исследованием вопрос уточнения границ предмета.

Разделяя условно традицию философского рассмотрения темы страха на до и после гегелевской системы, в рамках которой впервые происходит перенос акцента от предмета страха («от чего» страха) на страх как явление, раскрывающее нам характер человеческой ситуации, я сосредоточу взгляд на изменении отношения к проблеме страха. Дело в том, что страх, воспринимаемый как эмоция или отношение, долгое время рассматривался принадлежащим области психологии, отвечающей за душевное состояние человека, укорененным в структуре его духовного мира. Такое представление характерно значительной традиции философской мысли – от античной философии (Платон, Аристотель, стоики) [1, С. 6 – 10] до философии Нового времени в Европе (Р.Декарт, Б.Спиноза, Т.Гоббс) [1, С. 10 – 23]. Вся эта традиция сводима к определению проблемы страха в отношении его предмета, определению психологического механизма действия страха как негативной эмоции, и предложениям по способу преодоления этой ситуации. За рамки

традиционного взгляда также не выходит и Б.Паскаль, который, несомненно, тоньше высказал противоречивость ситуации страха, выявив расхождение в том, что психологический характер страха искажается социальным порядком: нас более страшит потеря статусности и социального признания, чем утрата собственного существования, хотя они для нас равновозможны [1, С. 15]. Такое замечание интересно с точки зрения психологических последствий действия страха, его места в системе социального и политического действия, но несколько не превосходит господствующий способ рассмотрения проблемы страха.

Как отмечает Альфонс де Вэленс, изменение характера отношения к проблеме страха связано, прежде всего, с «изменением самой онтологии чувства» [2, С. 296 – 297]. Смысл такого изменения заключается в том, что чувство престаёт рассматриваться как некоторый внутренний ответ, более или менее адекватный внешним событиям, а начинает пониматься как способ существования человека, посредством которого человек утверждает себя в окружающем как некоторой целостности и единстве. Чувство становится способом бытия человека, характер которого заключается в утверждении связи, соотнесенности. С этой точки зрения, проблема страха сразу же вносится в динамическое поле человеческой ситуации как элемент всего того, что мы привыкли понимать под человеком; страх приобретает характер ситуации, требующий проявления собственного существования. Иными словами, мы приходим к постановке проблемы страха как пограничной человеческой ситуации, которая несет в себе возможность продуктивного ее решения. Остановимся на этом чуть подробнее.

Граница – это начало и конец всякого определенного бытия, некоторая межа, отделяющая нечто от иного [5, С. 93 – 95]; возможно даже предложил говорить о меже, отделяющей Нечто от Ничто. Эту ситуацию достаточно легко прояснить. На границе соприкасаются конечное и бесконечное, иными словами, определенное (как имеющее пределы освоенного) и неопределенное (находящееся за пределами границ определенности). Ситуация страха как

стояния на границе также означает положение между воплощенным и потенциальным (здесь как раз мы и приходим к определению Нечто как освоенного, ограниченного, воплощенного, и Ничто как самой возможности, абсолютной потенции («возможности мочь», - как определяет такую ситуацию С.Кьеркегор) [3, С. 143 – 144].

Человек поставлен в ситуацию, которая имеет для него двойственный характер. С одной стороны, человек стремится осознать себя через свое присутствие, через фиксирование тех определений, которые он пережил. Такое определение несет характер ограничения самой возможности. Иными словами, осознать себя - все равно, что и воплотиться во всех своих возможностях, что для человека в силу его конечности невозможно. Поэтому единственный способ, которым человек может быть определен, представляется следующим: фиксирование границ этих возможностей [4, С. 224]. Мы можем говорить исключительно об ограниченном воплощении, о воплощении теперь, от которого только и начинается определение. С другой стороны, в определении человека через границы - нет и самого человека, его там уже невозможно найти. Человек, определенный через свое ограниченное состояние теперь, есть только лишь различимые границы тех потенций, которые он несет как человек.

Это граница одновременной определенности и переопределения (как отказа от прошлой определенности). Именно относительно этой границы мы можем определить двойственную природу страха: желание быть определенным (осознать себя в каких-либо границах) и постоянная невозможность такого определения, в силу того, что границы эти необходимо нарушаются.

Искать продуктивное начало страха стоит, как раз исходя из рассмотренных выше характеристик ситуации нахождения на границе. Страх следует понимать тогда продуктивным началом, сущность которого заключается в наделении смыслами, в переопределении в каждом моменте теперь: страх – необходимость пребывать в состоянии постоянного столкновения с Ничто, в состоянии взгляда из некоторого теперь в собственное существование как в возможность.

Достаточно просто различимы страх и боязнь (как испуг, при приближении, переживании или воображении угрожающего определенного или определимого сущего) [2, С. 305]. Ситуацию страха, как мы уже отметили, характеризует также переживание опасности, не выдвигаемое, однако, определенной или определимой реальностью. Ситуация страха дает осознание того, что ничто сущее не может быть причиной испытываемого страха, таким образом, мы через отрицание приобретаем позитивное знание об этом Ничто, лежащем в основании страха. Если обратиться к языку Хайдеггера, мы можем отметить, что страх обнаруживает «мировость» мира [2, С. 306], то начало мира, которое нас позитивно определяет, приводя к целостности. Страх тогда видится как своего рода фундаментальное человеческое чувство, раскрывающее человеку, что он есть в целостности [2, С. 229]. Без осознания неизбежности страха как самого определения положения человека, невозможно говорить о том, что смыслы существования (определенности) могут находиться в единстве. Важно обратить внимание, что смысл целостности, привносимый ситуацией страха, заключается в определении целостности как негативности. Целостность достигается только в осознании небытия того, чем человек был (то есть, отчуждения или снятия прежних определенностей, невозможности находиться в прежних границах), и одновременной (ежемоментальной, если говорить о границе, как о миге, отделяющем определенное и переопределение) возможности, открывающейся перед человеком как Ничто. Именно в отрицании прошлых определенностей как не охватывающих тебя теперь заключается продуктивное начало ситуации страха: выход на границу как определение через самоотрицание.

Список литературы

1. Андрусенко В.А. Социальный страх (опыт философского анализа). Свердловск, 1991.
2. Веленс А. де. Заметки о понятии страха в современной философии // Феномен человека: Антология. М., 1993.

3. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
4. Левицкий С.А. Трагедия свободы. М., 1995.
5. Пивоваров Д.В. Основные категории онтологии: Учеб. пособие. Екатеринбург, 2006.